

Ю. К. Бегунов

ДРЕВНЕРУССКАЯ ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА
КАК ЖАНР

(К постановке вопроса)

В дореволюционной науке древнерусская ораторская проза изучалась с трех сторон: 1) как источник для знакомства с деятельностью представителей русской церкви (по истории церкви); 2) как источник сведений о состоянии религиозного просвещения и нравственного уровня духовенства, т. е. по истории русской духовной литературы и просвещения; 3) как источник по общей истории христи-

⁹ ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 41—71.

анского проповедничества (часть гомилетики как науки о свойствах проповеди). С точки зрения развития литературной формы в ее тесной связи с содержанием русская проповедь изучалась мало. Проповеди больше интересовали исследователей (многие из которых принадлежали к представителям духовенства) как церковные памятники. Их содержание рассматривалось исключительно с апологетической стороны, т. е. с точки зрения того, как церковь и ее представители боролись с инакомыслием и как церковь, побеждая, приходила к становлению собственной догматики (Филарет Гумилевский, Макарий Булгаков, Е. Е. Голубинский, А. В. Карташев).

На изучении древнерусской проповеди отразился давнишний спор «западников» и «славянофилов» о том, было ли у нас просвещение или его вовсе не было. «Западники» (К. Ф. Калайдович, М. Т. Каченовский, А. Н. Пыпин, И. Я. Порфирьев, А. Д. Галахов, Ф. А. Терновский, В. В. Жмакин, П. О. Морозов, Е. В. Петухов, Е. Е. Голубинский и др.) считали, что ее изучение ничего не может дать, так как русская проповедь рабски подражала византийским образцам, не вносила ничего своего, была однообразной по содержанию, почти не развивалась. «Славянофилы» (С. П. Шевырев, Орест Миллер, И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, М. П. Петровский, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Буслаев, П. Ф. Николаевский и др.) считали, что содержание проповеди находилось в зависимости только от воли оратора и от его православного образа мыслей, что ее форма не ограничивалась требованием писанных правил, что русская проповедь пользовалась самым широким влиянием на массы.

В 1871 и 1879 гг. имели место неудачные попытки исторического освещения проблемы в трудах архимандрита Иакова (И. П. Домского): «Русское проповедничество. Исторический обзор его и взгляд на современное его направление» и «Исторический очерк русского проповедничества» (тт. 1—2). Иаков заимствовал тезис Ф. А. Терновского о том, что русская проповедь не имела развития, будучи однообразной по содержанию и форме, что проповедь в лучшем случае возрастала только в объеме, оставаясь неизменной.¹ В работах И. П. Домского отсутствуют

¹ Ф. А. Терновский. Черты древнего русского проповедничества до времен Петра Великого (включительно). — Руковод-

научные приемы ведения исследования, нет и в помине систематизации материала и критики источника.

Хотя обобщающих трудов в области теории и истории древнерусской ораторской прозы не было создано, наукой накоплен огромный фактический материал (издания текстов, исторический и филологический комментарий к ним, факты о жизни и деятельности проповедников). Наиболее значителен вклад в изучение жизни и творчества таких выдающихся древнерусских ораторов, как митрополит Иларион, Феодосий Печерский, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Серапион Владимирский, митрополит Фотий, Григорий Цамблак, инок Фома, Вассиан Рыло, Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Максим Грек, митрополит Макарий, Зиновий Отенский, Лев Филолог, протопоп Аввакум, Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович.

В XIX—XX вв. теория древнерусского красноречия разрабатывалась преимущественно в рамках общих курсов по гомилетике; таковы труды Я. К. Амфитеатрова, Н. А. Таворова, М. А. Поторжинского, В. Ф. Певницкого, Н. И. Барсова, Н. В. Катаева, А. И. Разумихина, архиепископа Антония и др.

Вершиной в изучении древнерусской ораторской прозы в дореволюционной науке следует признать труды Н. К. Никольского, посвященные Илариону, Луке Жидяте, Феодосию Печерскому, Клименту Смолятичу, Кириллу Туровскому, а также ряд его обзорных курсов по гомилетике и истории древнерусского проповедничества, частью изданных литографическим способом,² частью оставшихся в рукописи.³ Академик Н. К. Никольский пытался выделить древнерусскую проповедь из истории русской церкви и истории русской словесности. Он обрушился с суровой

ство для сельских пастырей, Киев, 1868, № 15, стр. 620—636; № 23, стр. 156—178; № 42, стр. 215—228; № 50, стр. 558—578; № 52, стр. 630—649.

² Н. К. Никольский. 1) Студенческие записи лекций по гомилетике, читанных студентам LV—LVI курсов СПб. духовной академии в 1896—1897 гг. доцентом Н. К. Никольским. СПб., Литография Фомина, 1897; 2) То же, 1897—1898, 1898—1899 гг.; 3) Гомилетика. Курс лекций. Литографированное издание. СПб., 1904.

³ Архив АН СССР, ф. 247, оп. 1, №№ 144—157.

критикой на своих предшественников и современников — и гомилетов, и историков литературы.

Приведем только одно, характерное для него высказывание: «Задача проповеди не совпадает с требованиями, предъявляемыми к изящной словесности, так как не исчерпывается возможностью „ласкать слух слушателей“ красивыми фразами, остроумными словами, приятными оборотами речи и изысканными метафорами. Руководствуясь эстетической точкой зрения как критерием для проповеднической историографии, следовало бы относить к числу слабейших поучений такие, которые были для слушателей наиболее полезными, но имели отступления от предвзятых теорий эстетики и риторики. Так, с точки зрения ломоносовской и карамзинской теорий слова, за древнерусскими нравоучительными безыскусственными поучениями следовало бы признать гораздо меньше достоинств, чем за похвальными словами, наполненными рядом напыщенных метафор, хотя проповедные цели в первых осуществлялись гораздо непосредственнее и полнее, чем во вторых. Но, помимо этого, эстетическое изучение грешит произволом, так как законы эстетики, выработанные применительно к ораторской речи на Западе, не могли иметь приложения к нашей национальной проповеди».⁴ В своих трудах Н. К. Никольский, во-первых, по-прежнему пытается подтянуть изучение древнерусской ораторской прозы к гомилетике, хотя и в реформированном виде; во-вторых, у него сквозит явное намерение безоговорочно утверждать народный характер любой древней проповеди: ученых-гомилетов более всего интересовало апологетическое содержание проповеди и ее нравственный, религиозный идеал и менее всего — становление и развитие проповеди как литературного жанра. Проповедь, поучение, назидание объявлялись главным жанром древнерусской литературы, ее основным духовным богатством. Тем самым церковные историки не учитывали многообразия и богатства других жанров древнерусской литературы.

В наше время историки литературы, борясь с односторонним, неправильным пониманием древнерусской литературы как литературы церковной, противопоставляли ей представление о древнерусской литературе как светской по преимуществу. Памятникам же ораторской прозы

⁴ Архив АН СССР, ф. 247, № 148, л. 18.

уделялось меньше внимания, а специалистов, изучающих этот жанр, становилось все меньше и меньше. Вопросы изучения этого жанра не нашли отражения, например, в изданном в 1964 г. проблемно-тематическом сборнике «Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков», если не считать беглого экскурса Н. А. Мещерского в изучение памятников переводной патристической литературы, в том числе проповедей.⁵

В 50-е годы изучением общих проблем древнерусской ораторской прозы успешно занимались немецкие исследователи К. Розе⁶ и К. Г. Каспер.⁷

Значительным был вклад в изучение древнерусской ораторской прозы И. П. Еремина. Ученый издал критически литературное наследие Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Феофана Прокоповича. Принципиально важны для дальнейшей разработки методики изучения ораторской прозы такие труды И. П. Еремина, как «„Слово о полку Игореве“». К вопросу о его жанровой природе»,⁸ «„Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия Киевской Руси»,⁹ «Ораторское искусство Кирилла Туровского»,¹⁰ а также курс лекций по древнерусской литературе, прочитанный на филологическом факультете ЛГУ.¹¹

И. П. Еремин стремился показать высокую литературную значимость и эстетическую ценность каждого «слова» как произведения искусства. При этом И. П. Еремин основывался на изучении в первую очередь жанрообразующих признаков произведения, истоки которых он прослеживал

⁵ Н. А. Мещерский. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 185.

⁶ K. Rose. 1) Predigt der russisch-orthodoxen Kirche. Wesen, Gestalt, Geschichte. Berlin, 1952; 2) Grund und Quellort des russischen Geisteslebens. Von Skythien bis zur Kiewer Rus'. Berlin, 1956.

⁷ K. H. Kasper. 1) Die Predigtliteratur der Kiewer Rus' als Spiegel der Zeit. Dissertation. Humboldt—Universität. Berlin, 1958; 2) Die Zeitverbundheit der altrussischen Predigtliteratur. — Zeitschrift für Slawistik, Band III, Heft 2—4. Berlin, 1958, SS. 336—350.

⁸ Уч. зап. ЛГУ, № 72, сер. филолог. наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 3—18.

⁹ В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей, М.—Л., 1950, стр. 93—129.

¹⁰ ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 50—58.

¹¹ И. П. Еремин. Лекции по древнерусской литературе. Л., 1968.

в литературах греко-римской и византийской. Вопрос о жанре ораторского произведения всегда тесно связывался им с изучением композиции, стиля, приемов той или иной школы, к которой принадлежал писатель. Для современного исследователя такой историко-филологический подход является аксиомой, и без него теперь немислима ни оценка общественно-политической роли древнерусского писателя, ни определение места произведения в историко-литературном процессе, ни построение подлинно научной истории древнерусской ораторской прозы.

Позволим себе вкратце остановиться на особенностях древнерусской ораторской прозы как жанра.

Во-первых, древнерусская ораторская проза есть жанр художественной литературы, несмотря на ее, казалось бы, внелитературную, служебную (политическую или церковную) предназначенность. Нерасчлененность «деловой» и «литературной» функций ораторских произведений очевидна, так как они создавались для произнесения с политической трибуны, с церковной кафедры, в целях восхваления или порицания, обвинения или оправдания, в целях убеждения слушателей. Однако, несмотря на преобладание внелитературной функции, специфический характер этого жанра сказывается весьма сильно.

«Древнерусские жанры, — пишет Д. С. Лихачев, — в гораздо большей степени связаны с определенными типами стиля, чем жанры нового времени».¹² Это верно и для жанра древнерусской ораторской прозы. Два типа стиля определяют и два поджанра ораторской прозы: 1) красноречие политическое, или учительное, и 2) красноречие панегирическое, или торжественное.¹³ Каждый из этих поджанров, в свою очередь, подразделяется на поджанры «второго рода». Так, например, поджанр «красноречие учительное» включает в себя паренетические, экзегетические и полемико-догматические «слова», а «красноречие торжественное» — панегирики на дни церковных праздников, похвальные «слова» в честь святых и высших

¹² Д. С. Лихачев. Система литературных жанров Древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. (София, сентябрь, 1963). М., 1963, стр. 61.

¹³ Красноречие судебное (третий поджанр), столь распространенное в античном мире, в Византии находилось в крайнем упадке, а на Руси отсутствовало.

сановников церкви, в честь светских властителей — царей, князей, бояр, «слова» на открытие и перенесение мощей, и т. п. Имеются и еще более мелкие деления: так, пареитические «слова» могут носить дидактический или катехизический характер, полемико-догматические — могут быть направлены либо против еретиков, либо против язычников, либо против раскольников.¹⁴

Каждому поджанру свойственно применение своих логических и художественно-стилистических приемов. Так, учительным «словам» свойственна манера говорить безыскусственно, естественно, просто, умеренно прибегая к тропам (метафоре, эпитету, аллегории, гиперболе, сравнению, подобию) и очень редко — к фигурам (сообщению, вопрошанию, ответствованию, восклицанию, обращению, сомнению, противоположению, заимословию). В торжественных «словах» речь становилась искусственной благодаря избыточному применению искусственных приемов — тропов и фигур, сложных риторических тирад и периодов, основанных на параллелизме синтаксических конструкций, не чуждых и звукописи. Стиль торжественного красноречия становился живописным, витийственным. И если этот стиль был соразмерен с темой повествования и находился в соответствии со способом произнесения, то производил впечатление стиля высокой литературы.

Во-вторых, древнерусская ораторская проза принадлежит к письменной литературе, хотя красноречие как изустная форма словесного искусства нередко противопоставляется письменной литературе и в первую очередь — книжной научной прозе. Однако это противоположение только кажущееся. В одних случаях речь, поучение, слово могли быть произнесены по конкретному поводу однократно, а потом записывались и становились уделом письменной литературы. В других случаях ораторское произведение могло быть написано в форме назидательного послания не для произнесения, т. е. его автор мог быть поставлен в такие условия, когда, будучи отделен от аудитории

¹⁴ Вопросы типологии проповеднической литературы см.: Е. В. Петухов. Серапион Владимирский. СПб., 1888; П. Ф. Николаевский. Русская проповедь XV—XVI вв. — ЖМНП, ч. СXXXVII, СПб., 1868, № 2, стр. 298—384; ч. СXXXVIII, № 4, стр. 92—177; R. Klosterman. Probleme der Ostkirche. Göteborg, 1956. Т. поп Тодоров. Омилетика. (Пълен курс). Част първа. Теория на проповедта. София, 1956.

временем и пространством, он не мог произнести свою речь.

В-третьих, произведения древнерусской ораторской прозы были весьма многочисленны.

По распространенности ораторская проза спорит с такими широко известными жанрами, как агиография и летописание; проповедь «слова божьего» стояла у истоков просвещения новообращенных народов, и ей уделяли преимущественное внимание русские, болгарские и греческие пастыри церкви. Вспомним, какое громадное количество произведений дидактического жанра так называемых «отцов церкви» (писавших свои поучения и наставления на греческом, сирийском, латинском и других языках) было переведено на славянский язык и уже в IX—X вв. прочно и надолго вошло в литературу и быт славянских народов, в том числе и русского народа.

Большую роль дидактического жанра в древнерусской литературе подчеркивали в своих специальных работах Д. И. Чижевский (1954 г.) и Р. М. Ягодич (1958).¹⁵

Ораторская проза как жанр, взаимодействуя с другими жанрами, порождает новые жанровые ассоциации. Так, стиль «извития», «плетения словес», свойственный торжественному красноречию, проникает в агиографию, становясь одним из основных жанрообразующих признаков житийных произведений, созданных Епифанием Премудрым, Пахомием Сербом, Львом Аникитой Филологом, агиографами школы Макария. Так, взаимодействие «слов похвальных» с житиями привело к созданию в XV—XVI вв. особых житий, обладающих признаками как агиографических, так и ораторских произведений. «Экспансия» ораторской прозы достигает апогея в XVI в., когда ее художественными приемами охотно пользуются не только агиографы, но и летописцы (Никоновская летопись), и историки (Степенная книга), и авторы повестей. Наблюдения над неравноправием жанров внутри системы жанров Древней Руси, думается, было бы небесполезным и для объяснения явления, которое Я. С. Лурье назвал «падением беллетристичности» в XVI в. Невнимание

¹⁵ D. Č y z e v ś k y j. On the question of genres in old Russian literature. — Harvard slavic studies, vol. II, Cambridge, Mass., 1954, pp. 105—116; R. J a g o d i t s c h. Zum Begriff der «Gattungen» in der altrussischen Literatur. — Wiener slavistisches Jahrbuch, Bd. VI, Graz-Köln, 1957—1958, SS. 113—137.

в XVI в. к простому, неукрашенному стилю и к построению занимательных сюжетов, на наш взгляд, стоило бы поставить в связь с особенностями литературного процесса XVI в., который не столько зависел от «церковной цензуры», сколько от смены направлений, от развития стилей и литературного вкуса.

Стремление ораторской прозы к «экспансии» объясняет и тот факт, что риторика вплоть до XVII в. играли роль поэтик, которые были своеобразной «наукой наук» в области словесного творчества. Это неудивительно, если учесть, что за спиной проповедников стояла церковь. Ее охранительная тенденция проявлялась, в частности, и в создании для них особых условий словотворчества и в стремлении ограничить развитие литературы «прокрустовым ложем» церковной риторики.

В-четвертых, проповеди лучших ораторов Древней Руси отличались высоким уровнем патриотизма и гражданственности. Связь проповеднической литературы с жизнью у нас была более тесной, чем в Византии. И митрополита Илариона, и Серапиона Владимирского, и инока Фому, и Вассиана Рыло, и многих других проповедников волновали судьбы Русской земли, Русского государства. Они участвовали в общественно-политической борьбе, активно влияли на события, побуждали к борьбе с иноземными завоевателями, выступали против феодальной раздробленности, против чрезмерной эксплуатации, против остатков язычества, призывали к «исправлению нравов» в рамках христианско-феодальной идеологии. Проповеди аскетического и созерцательного направлений, хотя и имели место в Древней Руси, не преобладали, не подавляли собою «живое» слово, с которым ораторы обращались к народу непосредственно.

В-пятых, при изучении древнерусской ораторской прозы бросается в глаза отсутствие периода ее становления. Совершенные образцы проповедей появляются уже в первые десятилетия письменной литературы XI—XII вв.: таковы поучения Илариона и Кирилла Туровского.

Согласно типикону константинопольской Книльской церкви и Студитскому уставу, известных еще с XI в. на Руси, для служебной практики было необходимо три типа годового круга чтений: 1) жития, объединяемые в четырёх-месячные сборники, 2) панегирики и праздничные похвальные слова, объединяемые в торжественники,

3) прочие поучения (анагносмы), объединяемые в златоустники, в учительные евангелия (гомилии на воскресные дни), катехизисы (оглашения), измарагды, золотые цепи и мн. др.

Последние два типа были связаны с двумя поджанрами ораторской прозы: 1) искусственным, или торжественно-панегирическим, и 2) безыскусственным, или учительным.

Древнерусская ораторская проза не осталась безучастной к святоотеческой традиции (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст), к византийской традиции (Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, патриарх Фотий и многие другие), к болгарской традиции (Кирилл Философ, Климент Охридский, Константин Преславский, царь Симеон, Иоанн Экзарх, Козма Пресвитер), восприняв у ораторов древности все самое лучшее и создав оригинальные образцы высокохудожественного словесного искусства.

Греко-православная церковь получила в наследство от античности руководства по риторике от Горгия, Демосфена и их последователей (особенно Гермогена из Тарса и Афтония);¹⁶ на принципах античного красноречия воспитывались Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий, многие византийские, болгарские и русские проповедники.

Исследователям древнерусской ораторской прозы нет надобности прибегать к созданию и введению в научный оборот новых терминов и понятий, ибо для теории этого жанра уже существуют свои поэтики, достаточно сложные, разветвленные, всеобъемлющие, — это многочисленные руководства по риторике (например, Аристотель, Квинтиллиан); опыт древних риторик использовал современный немецкий исследователь Генрих Лаусберг.¹⁷

Этим мы ограничиваем предварительное изучение особенностей древнерусской ораторской прозы.

Перед исследователями древнерусской ораторской прозы стоят следующие задачи: 1) рассмотреть становление и развитие древнерусской ораторской прозы как жанра в связи с историей этого жанра в греко-византийской и

¹⁶ Труды византийской эпохи по риторике собраны Х. Вальцем. (Ch. Walz, ed. *Rhetores Graeci*. Stuttgartiae, 1832—1836).

¹⁷ H. Lausberg. *Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. Bd. 1, 2. München, 1960.

болгарской литературе; выяснить, какие поджанры ораторской прозы были восприняты, а какие нет, и почему; 2) определить место древнерусской ораторской прозы в системе жанров Древней Руси и показать ее роль в историко-литературном процессе; 3) учесть, какая часть древнерусских ораторских произведений оригинальных и переводных еще не издана, выявив при этом возможно большее количество их списков; 4) изучить историю текста каждого произведения ораторской прозы и сборников ораторской прозы устойчивого состава; 5) издать все лучшие произведения древнерусской ораторской прозы в нескольких томах с комментариями.

Для осуществления этих задач потребуются координация и концентрация усилий исследователей многих специальностей на протяжении многих лет, однако начинать эту работу совершенно необходимо, так как ее результаты позволят представить в истинном виде историю одного из важных жанров отечественной литературы.